

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертацию на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Бабоши Ивана Александровича

на тему:

**«Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской
заграничной агентуры»**

по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование Ивана Александровича Бабоши посвящено изучению, вне всякого сомнения, важной как в научном, так и в практическом отношении проблемы, а именно анализу польской эмиграции 1830-1870-х гг. по донесениям российской заграничной агентуры. Польский вопрос, начиная с конца XVIII в., с разделов Речи Посполитой и на всем протяжении XIX в., отмеченного созданием Царства Польского, а потом и двумя польскими восстаниями, был одним из важнейших вопросов международных отношений и внутренней политики Российской империи. Польский вопрос зачастую использовался правящими кругами Франции и Великобритании в антироссийских целях как средство антироссийской пропаганды. После польского восстания 1830-1831 гг. эти страны стали главными центрами польской эмиграции. Именно поляки формировали негативный образ России в Западной Европе и воспринимались там как главные специалисты по России. Соответственно, Западная Европа смотрела на Россию через «польскую оптику». Кроме того, для Великобритании и особенно для Франции события в Польше, прежде всего после подавления

восстания 1830-1831 гг., были важным элементом внутривосточной жизни. Для российских властей пребывание и деятельность на территории европейских государств польской эмиграции являлось серьезной проблемой, чреватой как для имиджа страны, так и опасной по возможным конкретным последствиям деятельности польской эмиграции. Именно это вынудило руководство Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, тайной полиции Царства Польского и Министерства иностранных дел Российской империи заняться учреждением специального надзора за ней со стороны российской заграничной агентуры. Изучению этих *актуальных и важных вопросов* посвящено диссертационное исследование И.А. Бабоши.

Диссертация И.А. Бабоши имеет *новаторский характер* как с точки зрения своеобразия избранного ракурса темы, а именно изучения польской эмиграции через призму деятельности Третьего отделения и непосредственно российской заграничной агентуры, так и с точки зрения введения в оборот значительного количества неопубликованных источников из фондов Государственного архива Российской Федерации. Несомненным достоинством работы является активное введение в научный оборот комплекса неопубликованных документов фонда 109 («Секретный архив» III отделения) ГА РФ.

Хронологические рамки диссертационного исследования И.А. Бабоши являются весьма логичными и обоснованными. Период 1830–1870-х гг., как справедливо отмечает диссертант, «составляет особую эпоху, с одной стороны – заграничного сыска, с другой стороны – истории польской эмиграции» (с. 15). Нижняя хронологическая граница связана с 1831 г., временем подавления польского восстания 1830-1831 гг. и временем зарождения польской эмиграции, что и вызвало необходимость создания структур за контролем ее антироссийской деятельности. Верхняя

хронологическая граница датирована 1870-ми гг., когда, как справедливо отмечает диссертант, большинство польских эмигрантских организаций прекратили свое существование. Представляется, было бы логичным уточнить, что это было связано не только с тем, что российская эмиграция вытеснила польскую, как отмечает И.А. Бабоша, но также и с тем, что после Франко-прусской войны изменилась политическая конъюнктура, и французские власти, нуждавшиеся в поддержке России, были явно не заинтересованы в осложнении двусторонних отношений по причине покровительства полякам. Например, историк Ф. Духинский, до того момента бывший весьма популярным и востребованным во Франции, популяризовавший в Париже свою антироссийскую расовую «туранскую теорию», был вынужден перебраться в Швейцарию.

Сформулированные цель, объект и предмет выглядят весьма убедительными и логичными. *Цель диссертационного исследования И.А. Бабоши сформулирована весьма четко и заключается в том, чтобы «проследить эволюцию деятельности польской эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора»* (с. 14).

Объектом диссертационного исследования является «деятельность польского национального движения в 1830–1870-х гг.», а предметом – «деятельность польской эмиграции на территориях бывшей Речи Посполитой и приютивших ее европейских государств в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора» в этот же период (с. 11).

Что касается *задач исследования*, то их сформулировано восемь и, на мой взгляд, они выглядят несколько перегруженными. В соответствии с логикой научного текста, каждая задача находит разрешение в соответствующей главе. Глав в диссертации три, а задач заметно больше. Главное же заключается не в количестве, а в том, что три первые задачи, посвященные деятельности польской эмиграции (установить основные

направления деятельности польской эмиграции на территории европейских стран и бывших земель Речи Посполитой с точки зрения донесений заграничной агентуры; проследить развитие контактов польской эмиграции с правительствами и общественно-революционными движениями стран Европы по данным агентурных отчетов; оценить характер и точность сведений о потенциале подрывной активности демократического и консервативного лагерей польской эмиграции в материалах зарубежных агентов (с. 15)) раскрываются весьма лапидарно и не находят подробного анализа в работе.

Всесторонне осветить и проанализировать деятельность системы агентурного надзора Российской империи позволили использованные в работе документы. Прежде всего, речь идет об источниках официального происхождения, а именно опубликованных в 2006 г. Е.И. Щербаковой и М.В. Сидоровой ежегодных обзорах Третьего отделения за 1827–1869 гг., а также о неопубликованных документах, представленных в фондах ГА РФ. Как уже отмечалось, введение в научный оборот комплекса неопубликованных источников этого архива является несомненным достоинством этой работы. Автором были использованы документы «Секретного архива» III отделения, в том числе донесения варшавских военных губернаторов в III отделение, протоколы «Секретного комитета высшего политического надзора» за 1837–1839 гг., отчеты отдельных агентов III отделения, прежде всего, Якова Николаевича Толстого и Юлиана Балашевича (внедренного в польскую эмиграцию под личиной графа Альберта Потоцкого). Отдельную группу источников составили донесения цюрихских и львовских корреспондентов Николая Ивановича Павлицева, главного редактора и основателя «Варшавского дневника». Автором была проделана кропотливая работа по анализу и систематизации этого обширного корпуса источников.

Что касается собственно документов польской эмиграции, то, как справедливо отмечает диссертант, «огромный массив эмигрантских личных

документов, прессы, корреспонденции и других подобного рода текстов уже был подробно проанализирован в историографии польской эмиграции и российского революционного движения» (с. 89). Однако не вполне соглашусь с авторским утверждением, что «не имеет смысла специально на них (этих документах. – *Н.Т.*) останавливаться» (с. 89). Представляется, что работа бы только выиграла, если бы были использованы, помимо важнейших архивных документов по деятельности российской агентуры, документы, позволяющие раскрыть предмет исследования, а именно деятельность польской эмиграции. Иначе не вполне понятно, против чего агентура так активно боролась, равно как остается в тени и отношение автора диссертации к польским восстаниям и деятельности польской эмиграции. Соответственно, список использованных источников выглядит весьма лаконичным – только 17 наименований, и здесь явно не хватает материалов польской эмиграции.

В своей работе И.А. Бабоша показал хорошее знание работ своих предшественников и современных коллег. Автор использует прежде всего труды отечественных, польских, французских авторов, логично прослеживая развитие историографии по двум основным направлениям: историография российской политической полиции и российской политики на территории Царства Польского и Западного края Российской империи, труды о внешней политике России и ее отношениях с западными странами, а также работы по польской эмиграции, польского национального и российского революционного движений, а также российско-польских революционных связей XIX в. Несмотря на то, что соискатель весьма подробно и аргументированно анализирует опубликованные работы по деятельности польской эмиграции, в самом тексте диссертации на труды некоторых авторов порой ни разу не ссылается и выводы коллег не использует (например, работы В.А. Мильчиной, Н.П. Таньшиной), поэтому не вполне понятно, чем они были полезны при написании диссертации.

Раздел введения, посвященный методологии исследования, выполнен на весьма высоком уровне. Автор использует как традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный), так и междисциплинарные подходы в духе «новой имперской истории», политической антропологии и «новой социальной истории» и грамотно аргументирует использование этих подходов.

Структура исследования является весьма стройной и логичной. Диссертация состоит из введения, трех глав, построенных по проблемно-хронологическому принципу, заключения, списка использованных источников и литературы.

В первой главе «Польские земли и становление системы заграничного агентурного надзора за политическими эмигрантами и революционерами в конце 1820–1830-х гг.» И.А. Бабоша исследует процесс формирования институциональной основы полицейского надзора за польским национальным движением и политической эмиграцией непосредственно до польского восстания и после его окончания. Соискатель анализирует становление межведомственной системы заграничного агентурного надзора за польской эмиграцией в 1830-х гг., которая увенчалась формированием Секретного комитета высшего политического надзора. Изучение деятельности Секретного комитета также является несомненной авторской заслугой, поскольку до настоящего времени этот сюжет был обойден вниманием исследователей. И.А. Бабоша полемизирует с существующим в историографии мнением, что на базе Третьего отделения была создана централизованная служба внешней разведки, которая сосредоточила все руководство заграничной агентурой, и приходит к обоснованному и новаторскому выводу, что после восстания 1830-1831 гг. была создана скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными. Главными звеньями этой системы стали Третье отделение СЕИВК,

тайная полиция Царства Польского под руководством И.Ф. Паскевича и Министерство иностранных дел.

В центре внимания второй главы – польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора в 1831–1855 гг. В этой главе, состоящей из четырех параграфов, анализируется специфика агентурной работы на польском направлении в 1831–1855 гг. (однако, этот параграф почти полностью посвящен деятельности Я.Н. Толстого на основе работ П.П. Черкасова, с. 115-121), дается краткое описание основных направлений деятельности польской эмиграции, и уже подробно анализируются методы и цели агентурного надзора на польском направлении. Автор приходит к обоснованному утверждению, что в николаевскую эпоху российская тайная полиция придерживалась практически исключительно оборонительной стратегии в противостоянии с польской эмиграцией. Ее целью была не столько борьба с «польскими выходцами», сколько недопущение польских эмиссаров в пределы Российской империи, а также точечное опровержение пропольских публикаций в западных изданиях, которое не переходило в полноценную «информационную войну».

Третья глава исследования посвящена анализу польской эмиграции в контексте системы агентурного надзора после Крымской войны и до второй половины 1870-х гг. В этой главе, состоящей из четырех параграфов, исследуется эволюция подрывной деятельности польской эмиграции в годы правления Александра II. Автор приходит к обоснованному выводу об эволюции политики российских властей по отношению к польской эмиграции, подчеркивая, что оборонительно-пассивная концепция сдерживания «польских выходцев» времен правления Николая I в эпоху «Великих реформ» Александра II сменилась наступательной стратегией, основанной на деморализации польской эмиграции и ее уничтожении изнутри. И.А. Бабоша делает важный вывод о том, что новый импульс развитию системы заграничного сыска на польском направлении дали не

реформы чиновников «сверху», а низовая общественная инициатива в лице выходца с национальных окраин Российской империи Ю. Балашевича-Потоцкого. Разделы диссертации, посвященные деятельности Балашевича-Потоцкого, представляют особый научный интерес, показывая роль конкретных агентов в деятельности III отделения. Агента-провокатора Ю. Балашевича-Потоцкого диссертант не без оснований именуется «выдающимся», считая, что он в «некотором смысле стал предтечей известных деятелей на службе Охранного отделения» (с. 295).

В заключении диссертационного исследования сформулированы основные выводы, которые являются самостоятельными, аргументированными, убедительными и не вызывают возражений. И.А. Бабоша пришел к обоснованному заключению, что меры по организации заграничной агентуры на польском направлении принимались властями ситуативно, при появлении той или иной сиюминутной угрозы, а не в результате долговременного стратегического планирования (с. 289-290). Диссертант справедливо отмечает, что в 1830–1870-е гг. не существовало единых стандартов заграничного надзора за польской эмиграцией, поэтому конкретные методы агентурной работы определялись не жесткими нормативными документами, а оставлялись на усмотрение конкретных руководителей тех или иных агентурных сетей. И.А. Бабоша справедливо отмечает, что в сфере борьбы с польским национальным движением Россия не имела полноценных союзников, но при этом и не находилась в полной изоляции. Кроме того, диссертант подчеркивает, что «польская эмиграция в целом (если не говорить о конкретных группировках) была не послушной марионеткой тех или иных политических сил, а непредсказуемой стихией, которую лишь иногда удавалось временно “приручить”» (с. 293). Автор приходит также к обоснованному выводу о том, что исходившие от польской эмиграции опасности отчасти предвосхитили угрозы со стороны

внутрироссийских радикальных группировок, набравших силу к 1860–1870-м гг. (с. 295).

При всех несомненных достоинствах диссертационного исследования и большом объеме проделанной исследовательской работы, диссертация И.А. Бабаши не свободна от некоторых недостатков. Часть замечаний уже была указана в тексте настоящего отзыва. Отмечу еще некоторые моменты.

На мой взгляд, в диссертации, посвященной политике Третьего отделения по контролю за деятельностью польской эмиграции, недостаточно представлена именно польская эмиграция, а польские восстания происходят как бы сами по себе. Безусловно, не нужно пересказывать известные факты, но хотя бы краткая оценка происходящего и авторская концепция нужны.

Как отмечает И.А. Бабоша, «в лице “Великой эмиграции” как составной части польского национального движения второй–третьей четверти XIX в. Российская империя впервые столкнулась с противником такого масштаба» (с. 5). А вот что это за противник, почему польская эмиграция представляла такую опасность, автор отмечает лишь фоном, подразумевая, что на эту тему написано большое количество работ. Представляется, что и сам диссертант понимает некоторую односторонность своей работы, отмечая в заключении «пути развития» темы.

В заключении И.А. Бабоша подчеркивает: «И консервативный, и революционно-демократический лагеря польской эмиграции проводили антироссийские пропагандистские кампании в западной прессе, а также отправляли эмиссаров в пределы бывшей Речи Посполитой с целью агитации местного польского населения, транспортировки оружия и организации подполья» (с. 289). Однако антироссийские пропагандистские кампании на страницах диссертации И.А. Бабоши освещаются весьма лапидарно.

Собственно, страницы, посвященные непосредственно польской эмиграции, в основном носят не исследовательский характер, а опираются на работы исследователей, прежде всего С.М. Фалькович и Е. Борейши (начало второго параграфа второй главы; параграфы второй и третий третьей главы).

Из замечаний технического характера на ряде страниц наблюдается несоответствие сносок:

537 Там же. С. 76.

538 Ibid. S. 249; S. 257. Донесения за 28 и 30 июня 1871 г.

539 Там же. С. 75.

619 *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 1. S. 211.

620 Подробнее о контактах «Земли и воли» с польским национальным движением см.: *Kieniewicz S. Op. cit.* S. 333–338,

621 Там же. С. 538.

622 Там же. С. 602.

623 Ibid. S. 344–349.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация И.А. Бабоши «Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской заграничной агентуры» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения диссертации И.А. Бабоши отражены в 5 научных публикациях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в изданиях,

соответствующих п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова». Автореферат отражает основное содержание диссертации.

Таким образом, соискатель Иван Александрович Бабоша заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Института общественных наук
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

ТАНЬШИНА Наталия Петровна

подпись

13 марта 2025 г. Дата подписания

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.03 – Всеобщая история

Адрес места работы:

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 3.
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Институт общественных наук

Подпись профессора кафедры всеобщей истории ИОН РАНХиГС Н.П. Таньшиной удостоверяю:

руково

Дамилия

Дата ,